КОНАН
КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАДА

Annotation

…Новые приключения Ночного Короля Шадизара — Конана…

-
  - Гидеон Эйлат
    -

Гидеон Эйлат
Золото Ольта

Коли ты робок — беги, коли отважен — спускайся во мглу пещеры и сражайся со слугами его. И если ты силен и знаешь толк в науке воина — одолеешь их, а если слаб и неискушен — кости-твои, разбросанные по пыльному каменному полу, когда-нибудь предостерегут других охотников поживиться за счет Темного Ольта.

— Неужели так и написано? — прелестная Камасита удивленно распахнула огромные черные глаза с густой бахромой длиннейших ресниц. — Мне приходилось читать древние манускрипты о сокровищах, но в них такой вычурный, напыщенный, малопонятный слог…

Ее муж от души рассмеялся, даже качнулся в седле.

— Ты совершенно права, о звезда, упавшая с небес в мои недостойные руки. Этот текст высокопарней и туманней любого выбеленного веками манускрипта. Хуже того, он еще и стихотворный.

А самое досадное — на древнеаргосском языке. Нет, конечно же, нет; я лишь своими словами изложил тот скудный смысл, который выжал из находки мой просвещенный наставник Пликферон. Увы, нам достался лишь клочок пергамента, остальное злополучный кладоискатель успел проглотить, прежде чем… Прежде чем с ним случилась неприятность.

Камасита неодобрительно сдвинула тонкие брови, щедро насурьмленные самой природой.

— Лесники твоего отца извели на него целый колчан длинных стрел — это ты называешь неприятностью? Ах, Далион! Неужели была необходимость убивать беднягу?

Ее молодой супруг слегка покраснел и опустил очи долу.

— Конечно же нет. Но он сам виноват… Бродя по нашим горам в поисках сокровищ, он проголодался и подстрелил дикого козленка. Лесники приняли его за браконьера, выследили и, недолго думая, истыкали стрелами. Осмелюсь тебе напомнить, дорогая: они были в своем праве. Мой отец — страстный охотник и не дает браконьерам спуску. Твой, между прочим, их тоже не жалует.

— Вот уж чего не ожидала услышать от тебя, милый, так это оправдания гадким лесникам! — рассердилась Камасита. — Будь моя воля, я приказала бы их высечь — чтобы впредь неповадно было проливать кровь невинных!

Далион снова рассмеялся и умиротворяюще опустил ладонь на запястье жены.

— Успокойся, о моя воплощенная мечта! Отец наказал их гораздо суровей — лишил положенной награды за голову браконьера. Поверь, лесники куда охотнее предпочли бы порку. Видела бы ты, как рассердился отец, узнав, что погибла рукопись с описанием знаменитой пещеры! Он просто рвал и метал. Ведь о подземелье Темного Ольта в этих краях ходят легенды; только в нашем роду было пять или шесть ревностных кладоискателей, один даже пропал, предаваясь этому занятию. И сам отец в юности немало поводил по округе толпу слуг с кайлами и заступами… Только после женитьбы образумился, как сам говорит, и бросил охоту за сокровищами. Подозреваю, в глубине души он только и ждал возможности тряхнуть стариной.

Молодожены неторопливо ехали на породистых иноходцах по угодьям достопочтенного Найрама — знаменитого на всю Замору торговца скотом, винодела и покровителя искусств. Камасите нравились нотки обожания, звучавшие в голосе Далиона, когда тот заговаривал об

отце. Если бы не трогательная любовь Найрама к красавцу сыну и не его снисходительность к упрямству бедного соседа Блафема — не видать бы Далиону этого брака, как своих ушей. Кажется, юноша до сих пор не в силах поверить в свое счастье, хотя еще утром отзвенели свадебные арфы, и теперь на алтаре и ступеньках храма Митры в сладостном благоухании увядают гиацинты и астры, которыми щедро осыпали молодых принаряженные челядинки и крестьянки Найрама. Дорогие и красивые цветы…

Камасита вздохнула. «Другая бы поставила слово «красивые» перед "дорогие"», — подумала она.

— Мой отец тоже искал пещеру Ольта, — задумчиво сказала красавица. — И не только в молодости.

Она улыбнулась своим мыслям — улыбнулась с горечью в сердце. Сколько она помнила отца, тот всегда был одержим мечтой найти сокровища. И беден. Да какое там беден — почти нищ. Зато горд. О Блафеме говорили, что он скорее ноги с голоду протянет, чем возьмет денег в долг или займется чем-нибудь «недостойным мужчины из славного рода» — торговлей, например. Правда, он не считал зазорным разводить скот или выращивать виноград, подобно процветающему соседу Найраму, — к этому у него просто не лежала душа. «Честным путем богатства не наживешь, — уверял он, — другое дело — взять то, что покоится в земле, то, что никому пока не принадлежит». Пресловутое золото Темного Ольта, спрятанное, быть может, на фамильных землях Блафема.

И каждое лето он раз в неделю приторачивал к седлу лопаты, кирки и вьюк со снедью и уезжал в горы, чтобы вернуться через трое-четверо суток — грязным, голодным и злым. Его крестьяне знали только одну повинность — искать клады, причем исполняли ее с превеликой охотой. Вернее, лишь делали вид, будто исполняли: выбирали местечко поуютнее, выкапывали яму-другую, а потом в ней же хоронили кости какой-нибудь дичинки, подстреленной тайком, вымоченной в луковом соке и зажаренной на вертеле.

Найрама он не то что невзлюбил… Просто между ними, как говорится, пробежала черная кошка. Он даже старался не вспоминать без нужды о преуспевающем соседе. А если вспоминал, обязательно кривил в недоброй улыбке губы. И предпочитал в такие минуты не смотреть на Камаситу. Словно пенял себе, что не взялся когда-то за ум по примеру Найрама, что из-за его упрямства красавица дочь живет чуть ли не впроголодь… Ей уже семнадцать — замуж пора, а за кого отдашь бесприданницу? Разве что за бродягу безродного. Улыбка будто переворачивалась — раз, и уголки губ уже опущены книзу. И в глазах — злой блеск. Вот таким же злым блеском, такой же улыбкой-перевертышем Блафем встречал сватов Далиона — ив первый раз, и во второй. А на третий приказал слугам гнать их в шею — кто-то из гостей сдуру ляпнул про «бесприданницу» и «безродного бродягу».

И вот неделю назад Найрам пожаловал с визитом самолично. Кланялся хозяину дома в ноги, слезно просил прощения за выходку дерзкого свата, а после, как бы между делом, сказал, что нашел пещеру Темного Ольта. На своей земле нашел. По обрывку древнего пергамента, обнаруженного на трупе чужеземца — не то хауранца, не то туранца. Лесники Найрама приняли кладоискателя за браконьера, кладоискатель принял лесников за бандитов — и, уже раненный, решил уничтожить в отместку свиток. Но не успел. Клочок рукописи сохранился, и — самое главное — уцелела карта. По ней-то Найрам вчера без особого труда и отыскал вход в подземелье. Уму непостижимо, почему его раньше никто не обнаружил. Выходит, не случайно родилась поговорка: «Глаз то неймет, что под носом лежит».

И дрогнул старый Блафем. Не указал гостю на порог. Напротив, хмуро просил

разрешения взглянуть на ту пещеру. В соседней комнате Камасита с замиранием сердца слушала их разговор — ей давно приглянулся Далион, юноша с честным и смелым лицом, которому должность командира сотни в полевой страже Заморы давала право беспрепятственно проезжать через любые земли. И он не забывал о своем праве, — бывая в родовом гнезде, не упускал случая заехать во владения Блафема, и брюзжание отца Камаситы лишь оттачивало его природную изобретательность. Он выдумывал самые неожиданные — и с виду очень правдоподобные — предлоги, чтобы побывать во владениях неумолимого соседа и хоть мельком увидеть возлюбленную… Женское чутье подсказывало Камасите, что и Далиону, и его отцу упрямая несговорчивость Блафема кажется пустой блажью, что юноша без ума от нее, а Найрам души в нем не чает и никогда не попрекнет бесприданницу куском.

Понимал это и Блафем, но оставался тверд, как перекаленный клинок…

И сломался, как перекаленный клинок, когда понял, что вожделенное сокровище достанется не ему. Они с Найрамом сели на коней и уехали, а поздно вечером Блафем вернулся и сказал Камасите, что она будет женой Далиона. «И не вздумай перечить!» — рявкнул он безо всякой необходимости, но при этом потупил угрюмый взгляд. Камасита была на седьмом небе, что, однако, не мешало ей теряться в догадках: из-за чего отец так резко переменил решение? Осторожные расспросы вызывали только вспышку ярости, однако на другой день Блафем — снова под воздействием некоего труднообъяснимого порыва — позвал ее в увитую одичалым виноградом беседку и, подперев седую голову тяжелыми, как у пахаря, руками, сам все рассказал.

Они с Найрамом побывали подле входа в пещеру — точнее, у черного лаза на вершине холма. Дальше углубиться не решились: для этого надо было спускаться во мглистый природный колодец, где брошенный камень пропадал без звука, а у них не было при себе ни веревок достаточной длины, ни железных костылей, ни запаса пищи и воды на случай, если заблудятся. Был лишь один-единственный смоляной факел из запасов Блафема, но, спущенный на бечеве, он не осветил даже преддверия Подземелья.

Найрам клятвенно обещал взять Блафема с собой, когда снарядит экспедицию в земные недра, и снова завел речь о женитьбе сына. И Блафем сдался. Сдался, когда услышал: «Только дай согласие, и эта пещера — твоя… Вместе со всем, что в ней сейчас таится».

— Эта пещера, — хрипло произнес он, — будет свадебным подарком нашим детям.

— Быть посему! — торжественно возгласил Найрам. — А теперь извини, дорогой сосед, но я спешу домой. Велю готовить свадьбу, пока ты не передумал.

* * *

В незапамятные времена, когда в муках и корчах рождались эти горы, из черных недр бежала по трещинам раскаленная кровь земли. Лава изливалась на поверхность и жгла, душила газами все живое, но большей частью безобидно застывала в толщах соленосной глины и известняка. Снова и снова дрожали горы, их крошила, сминала, опрокидывала безжалостная и неодолимая мощь планеты; со временем она выталкивала на поверхность пласты застывшей в трещинах магмы, и там за них брались солнце, ветер, влага и корни растений. Но этот камень разрушался гораздо медленней, чем другие горные породы этих мест.

Один из таких темно-серых пластов прикрывал крутые бока холма — точь-в-точь как панцирь воина. Он отвесно поднимался на несколько десятков локтей, а выше, меж иззубренной кромкой и шапкой дерна, виднелись желто-синие напластования известняка и глины. Затекая под каменный «панцирь», дождевая вода из века в век растворяла соль и вымывала частицы глины; мало-помалу в макушке холма образовалась опрокинутая воронка, а под ней — целая гроздь карстовых пещер.

Коней пришлось оставить у подножия, но восхождение не отняло много времени и сил. Далион был сама предупредительность: то, взобравшись на уступ, протянет молодой жене руку, то отведет от ее лица колючую терновую ветку, то остановит ее тревожным взмахом кисти и носком сапога отшвырнет с пути скорпиона или просто какого-нибудь паука, опасного только с виду. Камасита рассмеялась, когда он схватил ее в объятия при виде змеи — самого что ни на есть безобидного полоза. «За меня испугался», — с нежностью подумала она, лаская дыханием порозовевшую щеку мужа.

С вершины холма они посмотрели назад. Каменная усадьба Найрама была видна как на ладони, Камасита различала даже крашеные известью клети. А отцовский дом прятался на западе за отрогом лесистой горы — самой высокой в округе. Она поглядела по сторонам. Скалы, перелески, пастбища, буераки, нивы. В этих горах прошла вся ее жизнь. А вон там, за горизонтом, — Шадизар, город, о котором ходит дурная слава. Говорят, там полным-полно воров и разбойников, а женщины — подумать только! — продают себя за деньги. Да еще и кичатся этим! Другое дело — провинции Заморы. Здесь бытуют совсем иные нравы. Преступников вешают или сажают на кол, а продажных женщин бреют наголо, а то и бьют плетьми, и непременно изгоняют.

— Гости уже собрались, — сказал Далион, указывая подбородком на отцовский дом. — Только заглянем в пещеру, и сразу назад, ладно? А то рассердятся, если опоздаем.

Камасита снова рассмеялась. Она-то знала, почему супруг боится опоздать к началу свадебного пира. Чем скорее молодые сядут за стол, тем раньше гости отпустят их в опочивальню…

— Сам виноват, глупенький, — ласково упрекнула она. — Это ведь ты предложил верховую прогулку.

— Но уж признайся, милая: тебе не терпится хоть одним глазком взглянуть на кота в мешке. Тем более что это теперь наш котик.

— Будем надеяться, мех у него пышный и золотой…

— …и длинные обсидиановые когти…

— …и зубки алмазной крепости…

— …и если уж на то пошло, мой любимый драгоценный камень — кошачий глаз, — заявил Далион.

— Фу! — Камасита с притворным негодованием сдвинула брови. — Разве можно быть таким жестоким?

— Конечно, нельзя, — беспечно ответил Далион. — Будем считать кота оправой, пусть остается при глазах. Если легенды правдивы, нам хватит его вылинявшей шерсти, чтобы безбедно дожить до конца дней.

Едва заметной тропкой они обогнули базальтовый валун, торчащий из дерна точно гнилой зуб из челюсти гигантского зверя, — под ним чернело круглое, в два обхвата, отверстие, а рядом лежала широкая ребристая плита серого сланца. Еще неделю назад плита надежно скрывала лаз от людских взоров; ее собственноручно отвалил Найрам и долго потом

ругался — он десятки раз бывал на этом холме, изучил каждую его пядь, но так и не сподобился найти пещеру, пока не завладел картой.

— Тут уже все готово. — Далион подошел к груде вещей, прикрытых рогожей и шкурами. Камасита увидела аккуратно уложенное снаряжение: прочные ременные и волосяные веревки, десятки пропитанных смолой тростниковых факелов, связки кованых четырехгранных гвоздей с отверстиями в расплющенных и загнутых под прямым углом концах. — Осталось только запастись водой и пищей, и можно смело спускаться. Вот проводим гостей…

Он взял бухту веревки, прикинул в уме ее длину и удовлетворенно кивнул. Достал из груды снаряжения тяжелый молоток, выдернул железный крюк из связки, нашел на валуне подходящую трещину. Примерился. Ударил. Камень и сталь отозвались глухим звоном. В лаз посыпались базальтовые крошки.

— Милый, — встревоженно сказала Камасита, — надеюсь, ты не собираешься спускаться?

Далион поднял на нее удивленный взгляд.

— Я имею в виду, сейчас, — уточнила Камасита.

Он улыбнулся.

— Ну что ты, владычица моих чаяний! Я жду не дождусь, когда мы вернемся к свадебному столу. Мы с моим и твоим отцом придем сюда дня через два; сначала отправим вниз слуг, а когда они разведают путь, спустимся сами. — Говоря это, он продевал в отверстие крюка бронзовое кольцо толщиной в мизинец. — Вот только сброшу веревку, и пойдем.

Налетел прохладный ветер, Камасита зябко передернула плечами.

— Но зачем сбрасывать веревку именно сейчас? В глазах юноши мелькнуло недоумение.

— То есть? — Он улыбнулся. — А, да просто так. Пускай повисит. Меньше будет возни, когда придем. — Он продел конец веревки в кольцо, завязал прочный узел.

— Но, милый, — поинтересовалась Камасита, непонимающе глядя на него, — почему ты решил, что веревка достанет до дна?

Далион посмотрел в черноту и пожал плечами.

— По-моему, достанет. Она длинная. Впрочем, можно взять еще одну…

Он подошел к груде снаряжения, выбрал точно такую же веревку, повернулся к девушке и медленно просунул руку в бухту, а затем перекинул через голову.

— Что ты хочешь делать, дорогой? — опешила Камасита.

— Как что? Нам пора возвращаться. — Он взял два факела с бронзовыми рукоятками, сунул за ремень.

Не веря своим глазам, Камасита смотрела, как деготь впитывается в дорогой белоснежный шелк его туники. Далион ссыпал за пазуху несколько крючьев, улыбнулся жене, поднял кожаный мешочек с трутом и огнивом и быстро привязал к поясу.

— Ты не замерзла, любимая?

Камасита снова передернула плечами, но на сей раз не ветер был тому причиной. Далион шагнул к отверстию.

— Нет! — воскликнула девушка. Он взялся за веревку. Подергал.

— Не надо!

— Чего не надо, любимая? — Он сел. Ноги в высоких сапогах по колено утонули в сумраке лаза; уже и вторая рука сжимала веревку.

— Не надо туда спускаться…

— Спускаться? У меня и в мыслях этого нет. Я вполне могу подождать до…

Голос утонул в душном мраке. Камасита обнаружила, что зубы ее стучат. Девушку била крупная дрожь. Она неотрывно смотрела на веревку. Та напоминала змею, дергающуюся в смертных судорогах.

— Далион, ты сорвешься! Пещера молчала.

— Далион! — закричала Камасита во всю силу легких.

Из чрева горы — ни звука.

Юная красавица в ужасе огляделась по сторонам. Задержала взор на усадьбе Найрама. Снова окунула его в черный круг.

— Далион…

— Давай, браконьер, жри! Скоро ворованная дичь встанет поперек горла. Через неделю у тебя вспухнет брюхо и позеленеет язык, а через две мы вытащим из ямы твой труп и отдадим моим любимым собачкам, пускай растащат по двору смердящие потроха!

Старший псарь так живо вообразил эту сценку, что пришел в буйный восторг. Он оглушительно расхохотался; над краем ямы затряслись жирные щеки, запрыгала широкая холеная борода. Капля слюны сорвалась с губ Найрамова челядинца, упала пленнику на запястье. Конан брезгливо вытер руку о штаны и снова вонзил зубы в вареное мясо.

— У тебя завидный аппетит, киммериец. Вы, северные дикари, привыкли нажираться впрок, ведь кто знает, когда еще языческие боги подкинут съестного? Не жадничай, дружок. Господин велел кормить тебя на убой, даже когда ты слопаешь краденого кабанчика. Но мы тебе будем давать только вареное мясо! Ни яблочного огрызка, ни морковной ботвинки! Даже луковой шелухи не получишь ты от нас, киммерийский ублю…

Брошенный меткой рукой увесистый мосол с громким треском врезался в лоб псаря. Найрамов холуй замолк на полуслове и обмяк, голова свесилась в яму.

Вареный кабанчик свалился с колен киммерийца в грязь, в закаменевшие нечистоты прежних узников, безвестных крестьян-браконьеров, принявших в этой яме жуткую смерть. Кто-то из невидимых Конану слуг испуганно вскрикнул и бросился на выручку старшему псарю. Он опоздал на кратчайший миг. Словно барс, взлетел Конан со дна глубокой ямы и, хоть не сумел даже до края дотянуться, добился, чего хотел. Пальцы его правой руки погрузились в густую поросль, украшавшую физиономию оглушенного челя-динца.

Конан повис на бороде — еще миг, и старший псарь мешком свалится ему на голову, тогда как подоспевший слуга уже держал приятеля за штаны, вопил, созывая подмогу. Завитая и умащенная борода выскальзывала из хватки киммерийца.

— Кром! — процедил сквозь зубы Конан, понимая, что не удержит добычу.

Безвольная толстая рука съехала с края ямы и ударила его по щеке. Он ухмыльнулся и вцепился в нее левой пятерней. А потом, для надежности, еще и зубами.

От боли старший псарь пришел в сознание и завизжал. Наверху затрещала рвущаяся материя. Выругался слуга — у него в руках остался только здоровенный клок от приятелевых штанов. Псарь плюхнулся на дно ямы.

Конан приподнял его за шиворот, беззлобно рассмеялся и небрежным прямым ударом расквасил нос. Потом развернул бородача и неторопливо взял сзади в удушающий захват. Дождался, когда над краем ямы покажутся головы дворовых Найрама.

— Цена его жизни — моя свобода! — деловито сообщил он, заслоняясь полузадушенным пленником от нацеленных стрел. — Не вздумайте сюда лезть, я ему шею

сверну, как воробышку!

Найрамовы холуи щерились и молчали. Конан слушал, как скрипят сухожильные тетивы — быстро синеющие пальцы натягивали их до отказа. Хищно подрагивали маленькие каленые жала.

— Похоже, толстяк, тут тобой не слишком дорожат, — заметил он, повыше поднимая старшего псаря. — Даже собачки твои любимые не воют. Хотя должны бы — по покойнику.

— Опустите луки! — потребовал властный голос; его обладатель встал на самый край ямы; под ноги Конану свалился комок земли. — Я кому сказал? — раздраженно поинтересовался жилистый старик в потертой кожаной одежде.

— Браконьеру — смерть! — с надрывом в писклявом голосе заявил слуга, не сумевший выручить старшего псаря. — Так говорит хозяин…

— Заткнись, мужлан, и ступай позови хозяина. Скажи ему, у Блафема родилась неплохая идея. Что топчешься, козлиный лишай? Плеткой огреть, чтоб зашевелился?

Ворча под нос ругательства, слуга повернулся и отошел. Остальным старик еще раз велел опустить оружие, но они будто не слышали.

Киммериец слегка ослабил захват. Старший псарь со свистом втянул ртом воздух, замотал головой.

— Какие хорошие слуги, — насмешливо сказал Конан. — Слово хозяина для них — закон. Интересно, чем он платит за такое послушание? Стрелой в пузо?

— Глупец! — вставший рядом с жилистым стариком Найрам укоризненно покачал головой. — Отпусти его, не отягчай своих мук…

— Я отпущу этого олуха на краю твоих владений, — твердо пообещал Конан, хотя внутренне поджался; в Найрамовых глазах он прочел приговор и себе, и своему пленнику. — Распорядись, чтобы сюда спустили лестницу. И поскорее! От него нестерпимо воняет псиной! Если думаешь, что мне приятно с ним обниматься, — ошибаешься!

У Найрама чуть дрогнули уголки губ. Старик широко улыбнулся.

— Что за идея, дорогой сват? — повернулся к нему Найрам.

Жилистый старик кивком указал на Конана.

— Он силен, ловок, изобретателен и дерзок. Он — тот, кто нам нужен.

Найрам поглядел в яму и вновь покачал головой, на этот раз с сомнением.

— Он браконьер… Я не даю спуску браконьерам — это, если угодно, дело принципа. К тому же я посылал человека в Шадизар, велел поспрашивать насчет киммерийца. Оказывается, там его каждая собака знает. И не только знает, но и точит на него зуб. У нашего приятеля столько врагов, и все так жаждут его крови, что я мог бы разбогатеть вдвое, продавая Конана по кусочку. — Он поглядел на киммерийца. — Ты сбежал от своих «должников», да? И прятался в окрестностях Шадизара, выжидая, пока улягутся страсти? И кормился ворованной дичью? Развратные горожане не знают, что ты попался моим лесникам, иначе уже примчались бы сюда всем скопом. Нет, я не выдам тебя шадизарцам. Я сам тебя накажу.

— Найрам, — сказал Блафем, — он способен нам помочь.

— Сегодня на рассвете, когда его вязали, он искалечил четверых моих слуг. Хорошо еще, лесникам хватило ума сначала украсть его оружие. Вряд ли кто-нибудь ушел бы живым, доберись этот демон до меча.

— Вот видишь? — настаивал Блафем. — Каждое твое слово подтверждает мою правоту. Сколько лучших слуг ты послал в пещеру? И кто из них вернулся? Все сгинули. Остальных же

не загонишь туда даже под страхом казни.

— Мне нужна палка с ремнем, — сказал Конан.

— Это еще зачем? — хором спросили Найрам с Блафемом.

— Как — зачем? — Киммериец осклабился. — Вы что, надеетесь меня уговорить, пока я дышу вонью в этой яме? Напрасно, благородные господа. Вот перейдем в чистые покои, тогда и потолковать можно будет за кубком доброго вина.

Возмущенный Найрам открыл было рот, но Блафем не дал ему разразиться проклятиями.

— Ты все-таки не ответил, — поспешно сказал он Конану, — зачем тебе палка с ремнем?

— Ремень я намотаю на жирную шею этого борова, моего заложника. Он будет присутствовать при нашем разговоре, но вином его можете не поить. А палка будет у меня в руках. В случае чего, крутану разок, и шея — хруп! Я ж говорю, неприятно с ним обниматься — псиной разит.

— Ах ты, наглый дикарь! — Найрам зловеще улыбнулся. — Узнаю повадки шадизарского отребья. Может быть, в этом мерзком городе, гнездилище воровства и разврата, тебе и сошла бы с рук такая дерзость, но в своих владениях я не терплю…

— О, милость Митры! — вздохнул Блафем. — Да полно тебе, сват. Остынь наконец. Давай спустим его в пещеру, — а там кто знает, может, он найдет смерть пострашнее любой из тех, какие ты способен измыслить. Ведь никто же не вернулся, ни один!

— Мне противна сама мысль о снисхождении к этому нахальному червю, — надменно произнес Найрам. — Однако будь по-твоему, сват. Уступаю, но только из уважения к тебе. Эй, люди! Спустите сюда лестницу, дайте браконьеру ремень и палку, отойдите от ямы и перекройте все выходы из усадьбы. Эй, ты, наглец! Как только вылезешь, ступай прямиком во флигель, в комнату охотничьих трофеев. Там мы будем с тобой говорить. Не вздумай сделать хоть шаг в сторону — мои стрелки с радостью проткнут тебе печенку.

* * *

С почтительной миной на лице, то и дело отвешивая поклоны, слуга в роскошной ливрее поднес хозяину золотой кубок. Точно такой же кубок он предложил — но уже без особого подобострастия во взоре и движениях — Блафему, а Конану просто сунул непочатую глиняную бутыль. И скрылся в углу за чучелом огромной — и злобной при жизни — медведицы.

Конан попытался извлечь пробку свободной рукой — не получилось. Тогда он поднес горлышко бутылки ко рту старшего псаря и сказал: «А ну, давай!». Страх придал заложнику сообразительности — он раскрыл рот и сжал зубами пыльную пробку. Киммериец рванул бутылку. Голова старшего псаря дернулась следом, но пробку из зубов не выпустила. Скосив глаз на хозяина поместья, Конан прижал горлышко к губам, запрокинул бутылку. Найрам брезгливо смотрел, как текут по выпяченному щетинистому подбородку вишневые струйки, слушал частое бульканье. Он поднес к губам кубок с отменным вином, сделал маленький глоток, поднял глаза к потолку и причмокнул. Божественный напиток.

— Пойло для скота. — Конан сплюнул на пол, затем вытянул шею, словно хотел заглянуть в кубок Найрама, а после сочувственно сказал Блафему: — Сват-то у тебя —

скряга, каких свет не видывал. Такой бурдой гостей поить! Сам-то небось хорошим винцом освежается. Бьюсь об заклад, старик, он и тебя помоями потчует. — Он указал на кубок Блафема и двинул кистью в свою сторону. — Дай-ка, отведаю, я в винах знаю толк…

Взбешенный Найрам схватил со стола кубок и выплеснул вино в лицо Конану. Тот невозмутимо облизнулся и кивнул с ухмылкой.

— Ты глянь! Сам помои лакает! Ну и скряга! Утратив от ярости дар речи, Найрам только скрежетал зубами. Блафем залпом выпил вино, поставил кубок и хмуро посмотрел Конану в лицо.

— Шутки в сторону, киммериец. Поговорим о деле.

— Ну, давай попробуем.

Блафем сухо рассказал Конану, как его дочь и зять в день свадьбы отправились взглянуть на пещеру; как юный Далион, не вняв уговорам жены, спустился под землю и исчез. Вечером встревоженные гости отправились на холм и нашли у пещеры только Камаситу — бедняжка плакала и дрожала от страха. Ей даже в голову не пришло поехать в усадьбу за помощью; несомненно, шок помрачил рассудок девушки. Еще немного, и она сама полезла бы по веревке вслед за мужем. По ее словам, в последние мгновения он вел себя очень странно — как будто не ведал, что делает.

— Тут не обошлось без злых чар, — мрачно прокомментировал чуть поостывший Найрам.

Несмотря на близость полуночи, двое гостей — друзья Далиона — вызвались отправиться на поиски в пещеру. Блафем с Найрамом хотели сделать это сами, но гости отговорили — дескать, мы моложе и сил у нас побольше. Вооружась факелами, они опустились в подземелье Темного Ольта и…

— Погоди, — перебил Конан. — Как ты сказал? Подземелье?..

— Темного Ольта. По легенде, когда Бог создавал мир, он небо отдал Светлым Ольтам, а недра…

— Это ему знать не обязательно, — проворчал Найрам.

— Верно, — спохватился Блафем. — Так вот, когда к рассвету гости не вернулись, мы с Найрамом совсем было собрались…

— …выручать Далиона, но осторожность опять сказала свое веское слово, — громко договорил за него Конан. — И, не желая рисковать собственными шкурами, вы послали в берлогу Темного Ольта ни в чем не повинного слугу. Я угадал?

На сей раз зло скрипнул зубами Блафем. Этот киммерийский наглец и вправду невыносим!

— Двоих, — ответил Найрам; хозяин усадьбы уже совершенно успокоился. — И еще четверых — днем. Никто не вернулся.

— Должно быть, они умирали с твоим именем на устах. — Конан поставил бутыль и взялся за палку. Ремень вдавился в толстую шею старшего псаря, тот захрипел и засучил ногами. Киммериец сразу ослабил петлю и сказал: — Н-да. Похоже, я ошибся. Наверное, подыхая, они только воздух портили, как эта скотина.

— Мы подарим тебе жизнь, — пообещал Блафем, — если спасешь Далиона.

— Жизнь нищего бродяги, — со смехом произнес Конан, — за драгоценную жизнь наследника. И вдобавок простите мне украденного поросенка. Я был не прав насчет тебя, Найрам. Ты не скряга.

* * *

— Мне нужны меч и доспехи. Без них не полезу. Найрам с Блафемом переглянулись. Найрам

пожал плечами. Блафем кивнул.

— Как только найдешь опору для ног, крикни, — сказал Блафем. — Мы спустим на бечеве мешок со снаряжением и лепешками и меч. А доспехи тебе там ни к чему. Нам не жалко, просто в пещере они только помеха. Лучше возьми побольше факелов.

Конан подумал и согласился. На вершине холма собралось человек двадцать — главным образом, Найрамова челядь. Киммериец не обращал на них внимания, зато глаз не сводил с юной красавицы, которая приехала на вороном коне и теперь, заплаканная, неподвижно сидела на большом плоском камне.

— Это и есть твоя дочь?

Старик мрачно кивнул, запихивая в мешок пресные лепешки.

— Да она милашка! Зять, наверное, души в ней не чает, а?

Блафем промолчал. Конан зыркнул по сторонам — не слышит ли отец Далиона? — и вполголоса произнес:

— Будь я на месте Далиона, меня б никакие демоны не заволокли в пещеру. По крайней мере, до конца брачной ночи.

Он увернулся от кулака в кожаной митенке и с хохотом отпрыгнул.

— Да не расстраивайся ты так! Верну я тебе зятя. Живым и здоровым. Эй, Камасита, — повернулся он к девушке, — довольно воду лить, нам с Далионом все равно твоих слез не хватит, чтобы смыть пещерную грязь. Лучше возвращайся в усадьбу да распорядись насчет доброй помывки. Мне она точно не помешает, вон как твой свекор меня отделал. — Он указал на свою изгвазданную тунику.

Камасита не ответила. У нее задрожал подбородок, слезы полились в три ручья.

— Оставь ее! — процедил сквозь зубы Блафем.

— Да ну. — Конан махнул рукой и повернулся к пещере. — Шуток не понимаете, скучно с вами. Ладно, я полез.

Он исчез в темном отверстии. Блафем, его дочь, Найрам и слуги смотрели на подрагивающую веревку.

В глубине умирали шорохи.

Через некоторое время из недр горы донесся приглушенный расстоянием крик:

— Стою!

— Спускайте мешок, — велел слугам Найрам.

* * *

Конан стоял на краю скользкого выступа в обнимку с тяжелым мешком. Кругом царила непроглядная мгла, было душно, пахло пылью и камнем.

Спускаясь по веревке, он все время раскачивался, то и дело касался вытянутой рукой стен и вскоре понял, что находится в некоем подобии колодца. Есть ли у этого колодца дно — вот вопрос. А если есть, достает ли до него веревка? А если не достает, хватит ли сил

взобраться по ней обратно?

Но вскоре он обнаружил уступ и приободрился. Прямо под ногами зияла бездна, но спускаться туда не было нужды. В этом киммериец не сомневался. Потому что за спиной открывался коридор.

«Наверное, все, кто побывал тут до меня, находили этот карниз, — подумал он. — Миновать его почти невозможно, хотя снаружи не видно, даже когда спускаешь на веревке горящий факел, — на самом верху ствол колодца сужается и закручивается по спирали».

Прижимая мешок к животу, он отпустил веревку, очень осторожно повернулся и протянул руку. Пальцы не встретили преграды. Так и есть, коридор. Не ниша, а именно коридор, потому что оттуда тянет сквозняком. Конан ухмыльнулся. Раз есть сквозняк, значит, есть и второй выход. И его не стерегут лучники Найрама.

Киммериец сделал шаг, другой, третий. Под ногами — довольно ровный камень. Стены гладкие, изгибаются кверху. Очень похоже на рукотворный туннель. Он опустился на корточки, поставил мешок, выдернул из него факел. Хорошие у Найрама факелы, удобные. Что-то вроде камышовых веников на бронзовой рукоятке. Сгорит просмоленный веник, можно будет насадить на рукоятку новый, много времени это не займет. Так ведь эти факелы как раз и предназначены для пещер. Там, на вершине холма, он видел подготовленную заранее груду снаряжения — добротные снасти для лазанья по горам и подземельям. На поверхности вполне сгодилось бы что попроще…

«Давненько вы к этому Ольту подбираетесь, — подумал он о Найраме и Блафеме. — Неужто из одного любопытства?»

По пути к холму он несколько раз пытался завести разговор о пещере. Сваты не отвечали, только глазами сверкали угрюмо. Но для Конана с его нюхом на золото красноречивым было само молчание. Да и предвидел он, сидя в комнате охотничьих трофеев за спиной у полузадушенного псаря, что от Найрама с Блафемом откровенности не добьешься.

А потому, едва они вышли готовиться к поездке и оставили Конана под присмотром двух вооруженных луками и мечами слуг, киммериец похлопал своего заложника по плечу и попросил рассказать все, что тот знает о подземелье Темного Ольта. Полумертвый от страха и удушья пленник безропотно поведал историю знаменитой сокровищницы.

Как гласит легенда, Митра, сотворив мир, оглядел его пытливым оком и рек, премного довольный плодом кропотливого труда своего: «Ныне время отдыха для Меня». Но, дабы не оставлять мира без присмотра на, быть может, сотню тысяч лет (для богов и смертных, как известно, время течет по-разному), он породил сонмище духов и велел им надзирать за своим гениальным творением. Духов он нарек ольтами; в ту пору, наспех созданные, все они были на одно лицо.

Великий Митра с чистой совестью удалился на покой, а когда минуло один Он знает сколько времени, взглянул на мир и поразился его метаморфозам. Дела земные уже не интересовали духов — они разделились на два враждебных лагеря и ожесточенно сражались. Мир, естественно, содержался в небрежении, а смертные, по примеру своих покровителей, враждовали между собой и щедро проливали кровь.

Придя в великий гнев, Митра хотел было одним махом покончить и с людьми, и с ольтами, расплавить Землю, дождаться, когда она застынет, и пересотворить мир заново. Но взял себя в руки и решил для очистки совести призвать своих неразумных детищ к порядку. Многие из них, надо отдать им должное, вняли Гласу Небесному и тем изрядно успокоили

Митру. Другие, безнадежно погрязшие в грехе, знай себе предавались интригам и буйству.

Если Солнцеликий, создавая человечество, питал далеко идущие планы, то в дальнейшем существовании ольтов он не видел особого проку. Однако ему показались занятными перемены, случившиеся с этим народцем. Ольты уже не были прежними, они заметно расслоились на храбрых и трусливых, добродетельных и порочных, изворотливых и прямодушных. Разнились они даже по уму, хотя Бог сотворил всех одинаковыми. Иными словами, подобно людям, они вызывали интерес. И тем заслужили пощаду. В безмерной мудрости своей Митра разделил их на темных и светлых. Светлым ольтам достались небо, солнечные лучи, утренний туман и снега вершин; темные обитают в земных недрах, в сумраке расселин, во мгле омутов, в сырости и плесени подвалов. Одни питаются запахом цветов и солнечным теплом, другие — холодным дыханием каменных стен и блеском злата, надежно укрытого в глубине подземелий.

Если не лгут мрачные поверья здешних крестьян, то в незапамятные времена один из темных ольтов поселился в этих краях. Потом тут стали добывать самородное золото. Под свист бичей и злобные окрики дюжих волосатых надсмотрщиков одетые в лохмотья рабы синими от холода руками окунали в горные потоки деревянные лотки. Иногда среди бесформенных желтых крупинок попадался крупный прозрачный кристалл граната или берилла, а то и сверкающий алмаз. И досталось все это богатства, как утверждает легенда, Темному Ольту, ибо зачарованные старатели работали на него. Где-то во мраке подземелья хранятся ныне драгоценности этих мест, собранные рабами до последней крупицы. Ибо у Темного Ольта изумительный нюх на сокровища, он даже песчинку золота учует за много полетов стрелы.

* * *

Наконец факел занялся — трескучим оранжевым огнем. Дым потянулся назад, к колодцу. Так и есть — сквозняк. Конан усмехнулся. Если найдется второй выход, он не будет раздумывать. Выберется из пещеры — и поминай как звали. Судьба Далиона и Найрамовых слуг ему безразлична. Вот если б его по-человечески усадили за стол, да накормили сытным обедом, да предложили хорошую плату… А все — проклятое высокомерие знати. Люди подлого сословия должны почитать за счастье, когда им дозволяют исполнить господский каприз!

Тыльной стороной кулака, сжимающего факел, киммериец дотронулся до щеки. Липко. Найрам, обливший его вином, не разрешил даже умыться.

Коридор постепенно сворачивал влево, оттуда доносился шум воды. Подземная река. Конан шагал, прижимая к левому боку мешок; в вытянутой правой руке он держал факел. Ему вспомнилась красавица Камасита. Сейчас она там, на вершине холма, льет горькие слезы. Какие у нее большие черные глаза, какие длинные ресницы! И от такой красотки в день свадьбы сбежал муж?! И куда? В подземелье, кишащее, быть может, змеями и ядовитыми пауками? Вот уж правду говорят, что и тысяче мудрецов не под силу понять, что творится в душе одного глупца.

Подземный водопад шумел все громче, и вскоре факел осветил струи, низвергавшиеся с осклизлого выступа. В ширину поток не превосходил десяти локтей, через него можно было перебраться по обточенным водой валунам; над ними кто-то даже протянул веревку. Далион?

Скорее, его друзья или Найрамовы слуги — ведь они знали, что на обратном пути, возможно, придется нести раненого или мертвого Далиона, вот и соорудили импровизированные перила. Конан нашел вбитый в скалу крюк с медным кольцом; точно такой же, он знал, окажется по ту сторону ручья.

Водя факелом по сторонам, он осмотрелся. Дым уверенно тянулся вверх — уж не там ли, откуда течет ручей, выход? Недолго думая, Конан положил мешок на каменный пол и достал бухту веревки, связку крючьев и молоток. Подниматься придется на ощупь, прямо по воде; факела с собой не возьмешь.

Конан медленно перебирался с уступа на уступ, изредка задерживаясь, чтобы вбить крюк и продеть в кольцо веревку. Он давно промок до нитки, пальцы онемели в ледяной воде, мокрые пряди длинных волос облепили лицо. Но разве это испытание для того, кто родился и вырос в лютой стуже Киммерийских гор? Просто своевременная возможность смыть с себя грязь пыточной ямы.

Он выбрался на горизонтальный участок русла. Здесь пришлось ползти на животе, задрав голову над водой и окуная ее всякий раз, когда макушка стукалась о камень. Пробираться по узкому дну ручья было бы гораздо легче, если б не приходилось время от времени останавливаться и разматывать веревку; он то и дело застревал и несколько раз даже хотел повернуть обратно.

Киммериец в очередной раз погрузился в воду и, перебирая по дну руками, преодолел шесть или семь локтей, насколько позволила слабина веревки, а когда захотел поднять голову над поверхностью, то не сумел — затылок уперся в скалу. Неужели вода доходит здесь до самого потолка? Похоже на то. Стало быть, надо поскорее возвращаться — легкие саднит, в голове стучат молоты, он вот-вот не выдержит и начнет глотать воду… И тогда — смерть. Конан двинулся вспять и сразу почувствовал, что застрял. Отощавшая бухта угодила между бедром и камнем и не пускала назад. И вперед никак — держат крюк и размотанная часть веревки.

Он понял, что сейчас умрет. В голове проснулся красный вулкан, боль ломила виски, разрывала уши. Киммериец дернулся всем телом вперед, рванул бухту — тщетно. Но ведь был же сквозняк, подумал он сквозь набегающую слабость. Может быть, все-таки есть пространство между потолком и поверхностью воды? Хоть в полпальца толщиной?

Конан извернулся ужом, рискуя порвать шейные сухожилия, поднял губы к потолку и поцеловал холодный камень. В приоткрытый рот хлынула вода, киммериец закашлялся и выгнул туловище еще сильнее. Есть! Воздух. Жизнь. Путь сквозняка — узкий желобок в потолке. Когда-то его проточила подземная река, а потом уровень воды понизился. Правда, совсем чуть-чуть, но все-таки достаточно, чтобы не задохнуться.

Веревку пришлось бросить. Он отвязал ее непослушными пальцами, пополз дальше и вскоре увидел свет.

Ручей впадал в широкую и мелководную реку. Конан поднялся на корточки и, прячась за низким подмытым берегом, огляделся. Ложе, выстланное белым плитчатым известняком. Чахлый кустарник по берегам. В полете стрелы к северо-востоку — холм, откуда он спустился в пещеру. На вершине видны силуэты людей, дожидающихся, когда киммериец выполнит поручение и вернется.

Он негромко рассмеялся. Долго же им придется ждать! Впрочем, солнце уже клонится к горизонту; как стемнеет, Найрам, Блафем и Камасита сядут на коней и возвратятся в усадьбу. А у пещеры останутся слуги — чтобы ночь напролет просидеть у костра, проклиная на все

лады хозяина, его сына и киммерийского ублюдка.

«Я просто исчезну без следа, — подумал Конан. — Как те двое гостей и шестеро челядинцев. Как Далион. Никто не станет искать пропавшего без вести браконьера».

Что ж, осталось дождаться темноты и уйти незамеченным. Отправиться в Аренджун — он давно туда собирался. Или найти надежное логово в окрестностях Шадизара, схорониться до тех пор, пока городской страже и главарям воровских шаек не надоест его разыскивать. Можно и в южные края податься — через земли Кофа и Хаурана на караванные пути Шема, где воину, знающему толк в своем ремесле, всегда найдется работа. Или даже к берегам легендарного Стикса…

В животе громко забурчало, и киммериец вспомнил, что давно не ел. Утром, правда, обглодал кабанью лопатку да глотнул вина, но с тех пор — ни крошки. А денек, как ни посмотри, выдался не из легких. Сейчас не помешали бы добрый ужин и костерок — обсохнуть…

Тут, будто издеваясь, ветер донес с холма запах дыма и жареного мяса. «Найрам привык ни в чем себе не отказывать», — раздраженно подумал Конан, вспомнив, как четверо мускулистых слуг, кряхтя от натуги, поднимали на вершину холма паланкин с хозяином. А от усадьбы пустой паланкин везла лошадь. Камасита и Блафем шли в гору пешком… И сейчас, конечно, они сидят у огня, на коврике перед ними — уймища всякой снеди, и Найрам с кичливым радушием потчует свата и невестку. А холуи стоят вокруг и глотают слюнки…

Конан вспомнил мешок, оставленный в подземном туннеле. Вот где вдоволь лепешек и полбутылки вина… В пещере довольно сухо, можно развести костер из факелов, высушить одежду и переночевать в относительном уюте. Незадолго до рассвета, конечно, снова придется вымокнуть, возвращаясь сюда, но на солнце он быстро обсохнет…

Значит, лезть обратно. Но не ради тепла и даже пищи, хотя голод, конечно, не тетка. Ради меча. Не пристало воину бросать верный клинок.

* * *

Разбудил его свет. Не факела — последний из них превратился в кучку пепла, пока Конан спал. И не дневной — солнечным лучам путь в эту пещеру был строго заказан. Призрачное зеленоватое сияние изливалось из ниши под сводом. Еще раньше, осматривая пещеру, Конан заметил на стенах следы кайла — судя по всему, природные полости в горе были соединены рукотворными коридорами. Оставалось лишь гадать, кто были те загадочные труженики и чья непререкаемая воля заставила их крошить стылый камень во мраке подземелья. Уж не самого ли Темного Ольта?

Киммериец подошел к стене, встал на цыпочки, протянул руку и достал из ниши глиняную плошку. Слегка покачал ею перед глазами. На дне переливалась густая, как мед, жидкость; именно она излучала свет. Конан разглядел в ней бесформенные зеленоватые крупицы. Они метались, хватали друг дружку, поглощали, делились — словом, вели себя как живые. Они и были живыми. И эта жизнь порождала свет.

Он бережно опустил плошку на пол и посмотрел в сторону колодца, через который впервые попал в этот карстовый лабиринт. Кромешная мгла. Он глянул в противоположном направлении и увидел еще одно пятнышко зеленоватого света — на том берегу подземного ручья. Конан взобрался на мокрый каменный выступ, вытянул шею и напряг зрение. Так и

есть: еще одна плошка с малюсенькими светящимися тварями. Пока киммериец спал, кто-то прошел мимо и расставил светильники. Зачем?

Ответ возник сразу. Чтобы указать путь.

Конан обернулся и увидел крюк с медным кольцом и бечеву, которую вчера с таким трудом протянул к обнаруженному выходу. Веревка была целехонька. А невдалеке от нее, по ту сторону ручья, тлел удивительный огонек.

«Кто-то хочет, чтобы я шел в глубь пещеры, — подумал Конан. — Но не заставляет, иначе испортил бы или украл веревку. Нет, всего лишь предлагает. Показывает удобную дорогу. Только удобную ли? Может быть, это ловушка, и в пути подстерегает смерть?»

Было над чем поломать голову. Конан спрыгнул с уступа на сухой каменный пол, сел, подобрал под себя ноги. Многое казалось странным. Как удалось пещерному жителю незамеченным пройти мимо? Инстинктам киммерийца позавидовал бы и вожак волчьей стаи; даже во сне Конан чуял любую опасность. Правда, день вчера выдался не из легких — он здорово намаялся, пока выбирался из пещеры. Но не до такой же степени, чтобы безмятежно проспать визит человека (и человека ли? или призрака подземелья?), идущего со светильниками?

И почему он не хочет, чтобы Конан уходил? Может быть, устал от одиночества и рад любому гостю? Киммериец криво улыбнулся, вспомнив о Далионе и спасателях. Не эти ли живые огни завели их туда, откуда они не сумели вернуться? Нет, лучше не рисковать. Там, наверху, свобода, путь к ней проторен. А здесь что? Сплошные загадки, одна другой головоломнее. И стоят ли они того, чтобы подставлять шею?

«Пройду чуть-чуть вперед», — сказал себе Конан и сам удивился этому решению: казалось, оно созрело против его воли. Однако он уступил порыву, поднялся на ноги, опоясался мечом, взялся за натянутую веревку и осторожно перебрался через водопад, где подобрал второй светильник.

— Я рад, что ты не захотел уйти, человек, — донесся откуда-то сверху скрипучий голос.

Клинок вырвался из ножен раньше, чем Конан задрал голову. Он инстинктивно отпрянул, увидев смутное черное пятно.

— Нет нужды угрожать мне оружием, — проскрипела летучая мышь. — Я не причиню тебе зла.

Острие клинка, прижавшее маленького обитателя пещеры к потолку, не опустилось даже на ширину ногтя.

— Я способен испытывать боль, человек, — будничным тоном сообщил нетопырь. — За что ты со мной так жесток? Повторяю: я не враг тебе.

— Кто ты? — хрипло произнес киммериец, делая шаг назад и опуская меч.

Темное пятно расплылось, превратившись в каменную сосульку. Сталактит с нежным звоном откололся и упал на пол. У Конана мурашки побежали по спине: перед ним на задних лапках стояла упитанная черная крыса.

— Демон!

— Разве суть в названии? — Крыса склонила набок усатую голову. — Сказать по правде, я и сам не знаю, кто такой. Прошлого я не вспоминаю, в будущее не заглядываю. Мысли приходят сами по себе и тут же становятся частью ненужного прошлого. Считай, что я — дух этого Подземелья. Зови меня Пенатом.

— Ты Темный Ольт?

Крыса исчезла. Но скрипучий голос зазвучал вновь — теперь уже не с пола, а со стены.

Конан повернул голову, поднес светильник. На рубце, оставленном кайлом, сидела крупная ночная бабочка.

— Нет. Я Пенат этого Подземелья. И не люблю Темного Ольта.

— Так значит, он не выдумка?

— Темный Ольт? Выдумка? — Бабочка возмущенно трепыхнула крылышками. — Скорее, это ты — выдумка. Надо же было такое сказать! Темный Ольт — болезнь этой пещеры. С тех пор, как он тут поселился, он убивает меня. Сидит на горе сокровищ и отравляет меня своим смрадным дыханием, своими гнусными помыслами. Но хуже всего я переношу близость золота. Ты слышал когда-нибудь о том, что жемчужина — это болезнь ракушки? Вот так и золото — мой тяжкий недуг. Чем его больше, тем я слабее, и тем сильнее Ольт.

— С некоторыми людьми тоже так бывает, — заметил Конан. — Любовь к золоту стоит им здоровья. А то и жизни.

— Чрезмерная любовь к золоту, ты хочешь сказать? Да, я знаю, наверху все не так, как у нас. Я ненавижу золото, а Темный Ольт обожает, и оно платит ему за любовь отменным здоровьем, а мне за ненависть — хворью. Вся беда в том, что ему некуда деться. Наверху у него всегда есть выбор. Понимаешь, о чем я говорю? Не понравится один хозяин, золото обязательно найдет способ перейти к другому, к тому, кто его сильнее любит. А тут оно вынуждено все свои чувства делить между мною и Ольтом.

— И тебя это, конечно, не устраивает, — насмешливо проговорил Конан.

— Человек, твоя ирония неуместна. Нет такой цены, которую бы я не заплатил тому, кто избавит меня от соседства с Темным Ольтом и его сокровищами. Заметь, я сказал слово «бы». Увы, мне нечем отплатить за такую услугу, ведь я — бессребреник и за всю свою жизнь не приобрел даже ломаного гроша. Но тому, кто сумеет мне помочь, достанутся все богатства Ольта…

— Ах ты пройдоха! — рассмеялся Конан. — Предлагаешь то, что тебе не принадлежит. И дураки, конечно, находятся?

— Кого ты имеешь в виду, человек?

— Конечно, бедолагу Далиона и шайку оболтусов, которая побывала тут незадолго до меня. Готов побиться об заклад на что угодно, они взялись помочь страждущему духу подземелья, и теперь Темный Ольт мастерит из их костей зубочистки.

Конан растерянно заморгал — бабочка на известняковой стене исчезла. Вместо нее серело пятнышко мохнатого лишайника.

— Ты прав лишь отчасти, воин, — прошептал лишайник. — Только Далион внял моим уговорам, и он один сейчас жив. Остальные пришли спасать его и в итоге все погибли. Если бы они слушались советов, а не шарахались с визгом от моей тени, то, возможно, добились бы успеха.

— Разве их убил не Темный Ольт? Пребывай Пенат в облике человека, он бы пожал плечами. А лишайник просто съежился на мгновение.

— Темному Ольту, — с презрением сказал он, — не пришлось даже седалища отрывать от груды золота ради этих трусов.

— Значит, их прикончил ты, — обвиняюще заключил Конан.

— Я? — возмутился Пенат. — Их погубили собственные глупость и трусость. Первые двое сорвались со скалы и разбились, третий умер от разрыва сердца, четвертый и пятый утонули в подземной реке, шестого пырнул ножом товарищ, приняв за призрак. Потом

седьмой и восьмой забились в расселину и, сойдя с ума от ужаса, наложили на себя руки.

— Они испугались тебя, — упорствовал Конан. — Значит, это ты виновен в их смерти.

— Ладно, пусть я виновен, — раздраженно уступил лишайник. — Право, эти суеверные бедняги не стоят того, чтобы о них вспоминать. Они — часть ненужного прошлого. Давай лучше потолкуем о настоящем…

— Я иду наверх, — отрезал Конан.

— Но почему? — удивленно спросил Пенат. — Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Из твоей уютной норки, — сказал киммериец, — никто еще не возвращался. Я хочу нарушить эту милую традицию.

Лишайник тяжко вздохнул.

— Я знаю, у вас, людей, есть излюбленная поговорка: «Лучше быть живым трусом, чем мертвым храбрецом». Что ж, видно, я тебя не за того принял.

Услышать упрек в трусости от какого-то блеклого пятнышка на стене? Конан был настолько великодушен, что не растер его в пыль подошвой сапога.

— Ты такое же ничтожество, как слуги Найрама, — заключил неблагодарный лишайник.

— Почем я знаю, — хрипло произнес Конан, — что ты не врешь? А вдруг никакого золота в этом логове нет?

Дух Подземелья молчал. Конан вдруг почувствовал, что не в силах оторвать взгляда от округлого серого пятнышка. Лишайник быстро расползался по стене и светлел, обретая прозрачность.

Теперь киммериец смотрел в просторный подземный зал, освещенный множеством светильников — таких же, как тот, который он все еще держал в левой руке.

Посреди зала играла всеми мыслимыми и немыслимыми красками высокая груда золота и драгоценных камней. На ее вершине восседал меднокожий великан в одной набедренной повязке. Он заливался счастливым смехом, горстями черпая сокровища и позволяя им сыпаться меж громадными узловатыми пальцами; при этом на его руках и груди перекатывались мускулы, каждый толщиною с оглоблю. В густой курчавой бороде и пышной шевелюре сверкали золотые песчинки. Он выудил из груды ослепительно сверкающий смарагд величиной с кулак, сунул за щеку, закрыл глаза и блаженно зачмокал. Точь-в-точь младенец, получивший леденец.

— Золото существует, и существует Темный Ольт, — прозвучал голос из плошки в руке Конана. — Этот зал — не здесь, он на самом дне пещеры. С моей помощью Далион проник туда, но Темный Ольт оказался сильней и хитрей, и теперь Далион — его пленник.

Угол подземного зала был отгорожен частоколом перламутровых сталагмитов одинаковой толщины и высоты. В этой необыкновенной клетке, безвольно свесив голову на грудь, сидел юноша в дорогой белой одежде.

— Если ты не спасешь его, он вскоре умрет, — сказал Пенат. — А если спасешь, Далион отдаст тебе самое дорогое, что у него есть.

У Конана вдруг пересохло в горле.

— Ты уверен?

— Вполне, — сказал дух Подземелья.

Конану отчетливо представилась заплаканная красавица, понуро сидящая на вершине холма. «А ведь я — ее последняя надежда, — подумал он. — Если я не доберусь до Темного Ольта, то никто не доберется. И быть ей тогда вдовой. Но если я спасу ее мужа… первая ночь достанется мне. И Найрам с Блафемом не воспротивятся. Далион им не позволит. Ведь я с

него возьму клятву».

— Чего стоит слово юного бездельника? — с напускной пренебрежительностью буркнул Конан.

— Далион — человек чести, — уверенно сказал дух Подземелья. — Уж я-то знаю.

И тут Конан понял, что пойдет дальше. Не ради сокровищ и ласк красавицы. Вернее, не только ради золота и ласк. Он хотел видеть, как высокомерие на лицах Найрама и Блафема уступит место бессильной злобе.

* * *

— Человек, ты прожил бы гораздо дольше, — сказала черная птица, — если бы не зарился на чужое.

В поединке с Конаном она лишилась когтистой лапы и кончика крыла, но это ничуть не остудило ее храбрости. Она лишь решила перевести дух.

— Кто ты? — зло спросил Конан, вися над пропастью. — И что тебе от меня надо?

— Я служанка Темного Ольта, — охотно отвечала птица. — И послана за твоим сердцем.

Конан зажал меч в зубах и схватился за каменный выступ второй рукой. Рывком подтянулся и лег животом на острую кромку карниза. Гигантская птица злобно каркнула — видно, не ожидала от противника такой ловкости. Она напала врасплох, со спины, и, столкнув киммерийца, уже торжествовала победу. Его спасли выступ, оказавшийся прямо под ногой, и сильные пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в камень. Ну и мастерство фехтовальщика, разумеется: левой рукой он сражался ничуть не хуже, чем правой.

Над головой захлопали крылья. Конан резко перевернулся на спину и ударил ногой вверх. Подошва сапога угодила по кровоточащей культе. Птица каркнула и отпрянула, а в следующее мгновение киммериец был уже на ногах, и меч, описав в сумраке полукруг, с хрустом впился в тонкую костистую шею. Судорожно всплескивая крыльями, сжимая и разжимая когти на уцелевшей ноге, посланница Темного Ольта улетела в бездну. Конан устало сел на карниз.

— Эй, проводник, — зло окликнул он, — где тебя демоны носят?

— Я здесь, человек. — С потолка прямо к его носу спустился на серебристой ниточке белый паук. — Не брани меня, я сам застигнут врасплох. Едва успел превратиться в уступ под твоей ногой. Увы, мое волшебство далеко не то, что в былые годы. Я чахну, и если ты не убьешь Темного Ольта…

— То он убьет меня, — проворчал Конан. — Хватит канючить, отступать мне уже поздно. Я должен прикончить Ольта. Хотя бы ради целости собственной шкуры.

Несколько мгновений он помолчал, собираясь с мыслями, затем спросил:

— Откуда взялся этот копченый ворон? Он ведь сзади напал. Значит, прятался где-то, ждал, пока я пройду. А потом крался за нами, дожидался удобного момента. Ну, я-то ладно, я тут в первый раз, а вот как ты ухитрился его не заметить?

Дух Подземелья промолчал. Видимо, не нашелся с ответом.

* * *

— Кто вы? — спросил изумленный Конан. — И откуда взялись?

— Клянусь милостью богов! — воскликнул коренастый чернокожий мужчина в грязной одежде. — Это же призрак!

— Храни нас Митра! — вторил ему полный светловолосый человек с красными глазами; при виде огромного варвара с обнаженным мечом он выронил кайло и осенил себя крестом бога-солнца.

Каменотесы попятились, пока не уперлись лопатками в скалу. У них отвисли челюсти, глаза широко раскрылись — гримасы неподдельного ужаса на лицах этих людей ошеломили Конана не меньше, чем само их появление в каменном мешке, куда он забрел, когда его внезапно покинул Пенат, улетевший куда-то по своим делам.

В полусферическом подземном зале горели масляные светильники, на чистом ровном полу аккуратной грудой лежала посуда. У стены Конан заметил богатый арсенал старательских инструментов — кирки, зубила, ломы и тому подобное. Еще он увидел целый штабель из бочек, туго набитых мешков и больших глиняных кувшинов. «В бочках, — предположил он, — солонина, в мешках — сухари, в кувшинах — вино и масло». Чуть поодаль притулилась к стене небольшая поленница.

— Я не призрак, — сказал он хмуро. — Это вы — призраки. Слуги Темного Ольта.

— Мы? — удивленно переспросил чернокожий. — С чего ты взял?

— Мы люди из плоти и крови, — заявил светловолосый. — Самые обыкновенные люди.

— Тогда что вы тут делаете?

— Да так… — Светловолосый пожал плечами. — Ищем кое-что.

— Золото? — спросил Конан.

— Ты догадлив. — Чернокожий ухмыльнулся; к нему быстро возвращалось спокойствие.

— Еще в пяти шагах от этого зала, — сказал киммериец, — я вас не слышал. Как вы это объясните?

Светловолосый вновь пожал плечами.

— Мы тут работали… вырубали вон того красавца. — Он кивком указал на выступающий из кварцевой жилы золотой самородок величиной с баранью голову. — И разговаривали во весь голос. Ты не мог нас не слышать.

— Мы даже песню распевали, — подхватил чернокожий и гнусаво завел: — «Готов я спуститься хоть к демонам в ад…»

— «Если там спрятан порядочный клад!» — пискляво подтянул напарник.

— Дух Подземелья! — позвал Конан, хоть и не надеялся, что Пенат отзовется. — Кто эти люди?

— Странные речи, — заметил чернокожий. — Сдается мне, ты все-таки привидение.

— А мне сдается, — парировал Конан, — что вы служите Темному Ольту.

— Мы — честные труженики, — с обидой в голосе возразил светловолосый. — Мы даже слыхом не слыхивали ни о каком Темном Ольте.

— Почему же, я слыхал, — сказал чернокожий. — В сказках. Говорят, тысячу лет назад в этой пещере действительно прятался Темный Ольт. Но потом сюда спустился герой по имени Конан и разделался с ним…

— Тысяча лет? — потрясение спросил Конан. — Неужели наверху уже прошла тысяча лет?

— Призрак! — в один голос воскликнули старатели. — Это же сам Конан!

Охваченный тяжелыми раздумьями, киммериец опустил меч и потупил голову.

— Пощади нас, Конан! — взмолился светловолосый. — Мы ведь ни в чем не виноваты, мы не желаем тебе зла!

— Мы выведем тебя наверх, — пообещал светловолосый.

Конан печально вздохнул. Неужели же, выбравшись из пещеры, он увидит совершенно неузнаваемый мир?

— Золото там по-прежнему в цене, — уверил его светловолосый. — Мы отдадим тебе самородок. Бери, нам не жалко.

— Мы себе еще найдем, — бодро проговорил чернокожий. — У нас нюх на золото.

Эта фраза насторожила киммерийца. Он пристально посмотрел чернокожему в глаза и заметил в их глубине насмешливый огонек. Подозрение переросло в уверенность.

— Возьми самородок, Конан, — сказал светловолосый. — Он твой по праву. Ведь ты победил Темного Ольта, если верить легенде. Значит, заслужил награду. Золото — твое.

Конан отрицательно покачал головой.

— Я не сражался с Темным Ольтом.

— Но ведь легенда не могла родиться на пустом месте, — заметил чернокожий с ласковой улыбкой. — Выходит, кто-то сделал эту работенку за тебя. А тебе достались лавры победителя. Что ж, бывает. Бери золото и уходи. И считай, что тебе просто повезло. Бери, Конан, не стесняйся.

Конан покосился на самородок и непреклонно сказал:

— Не возьму.

— А ведь и вправду не возьмет, — процедил светловолосый сквозь кривые зубы.

— Нет тут никакого золота.

Это была всего лишь догадка. Старатели переглянулись.

— Он прав, — подтвердил чернокожий. Конан снова бросил взгляд на кварцевую жилу.

Ни кварца, ни самородка. Глухая известняковая стена.

— Но он обязательно появился бы, стоило тебе до него дотронуться, — хмуро проговорил чернокожий. — Ты сам бы стал золотым самородком, Конан.

— Никто не может позариться на сокровища нашего господина и уйти безнаказанным, — назидательно произнес светловолосый.

— Значит, я могу уйти? — спросил Конан. — Я ведь на них не зарился. Да их тут и нет, если на то пошло. Кстати, про то, что я здесь уже тысячу лет брожу, вы тоже соврали?

Слуги Темного Ольта промолчали.

— А ну, с дороги! — рявкнул Конан. Чернокожий- поднял кирку над головой. Светловолосый нагнулся за своей.

— Ты можешь уйти только наверх, — заявил чернокожий.

— Мы обязаны защищать господина, — заявил его напарник. — Пока ты здесь, его жизнь в опасности. Давай мы тебя выведем, и ступай на все четыре стороны. Согласен?

— Я вам не верю, — помотал головой Конан. — Вы меня уже дважды обманули. Уж лучше сам выберусь как-нибудь.

— Придется его убить, — равнодушно сказал чернокожий.

— Похоже на то, — кивнул светловолосый. Они дружно вскинули кирки и ринулись на Конана. Дважды взметнулся меч, и слуги Темного Ольта рухнули, один — разрубленный от плеча до позвоночника, другой — с раскроенным черепом.

Хмуро глядя на мертвецов, киммериец проворчал:

— Уж не знаю, какие из вас старатели, а вояки неважные.

* * *

В бочках он обнаружил гнилые опилки, в мешках — сенную труху, из кувшинов пахло мочой. Лампады дружно погасли. Однако Конан недолго сидел во мраке. Посреди каменного мешка вырос гриб-поганка на тонкой бледно-зеленой ножке; его шляпка подрагивала, излучая неровный рассеянный свет.

— Куда ты пропал на этот раз? — раздраженно осведомился киммериец.

Мертвые лжестаратели исчезли вместе со своим скарбом и припасами. В каменном зале остались только Конан и Пенат.

— Я все время был здесь, — холодно отозвалась поганка.

— Да неужто? Верно, у меня глаза шалят.

— Не пеняй на зрение, оно спасло тебе жизнь. Ты разглядел насмешливую искорку в глазах слуги Темного Ольта и понял, что он лжет. Я и был той искоркой.

Конан расхохотался.

— Ну и ну! Разве нельзя было просто сказать?

— Напрасно смеешься, человек. Чем ближе мы к Темному Ольту, тем сильнее его страх. Он сражается не только с тобой, но и со мной, хоть я и гораздо слабее его. Всякий раз, когда Ольт подстраивает ловушку, он в первую очередь старается обезвредить меня. Он очень изобретателен, и мне все труднее находить в его паутине лазейки. Советую впредь рассчитывать только на свои силы.

— Это я уже понял. — Конан поднялся на ноги. — Ладно, доходяга пещерный. Веди дальше.

Поганка запрыгала к выходу в коридор.

* * *

Карабкаться приходилось по чуть ли не отвесной скале. Снова исчез дух Подземелья, снова Конан не смог до него докричаться. «Дурной знак, — подумал он. — Темный Ольт подготовил новую пакость, и Пенат, наверное, уже бьется в его силках».

Он чуть ли не физически ощущал, как напрягается чутье — не говоря уж о мускулах и нервах. О том, чтобы взяться за меч, не стоило и мечтать: страшно было даже на миг оторвать пальцы от скалы; будь у Конана хвост, как у обезьяны, он бы, не задумываясь, пустил в ход и его. С превеликим трудом находилась опора для рук и ног; несколько раз он едва не срывался, а падение с такой высоты было чревато переломом ног или даже позвоночника.

«Отличная мишень для лучника или пращника, — подумал вдруг о себе Конан, глянув вниз, на сухое ложе подземного ручья. — Пока я взберусь…» Однако чутье подсказывало: Темный Ольт не прибегнет к столь заурядному способу расправы.

Одно хорошо: каменные сосульки на своде пещеры — сталактиты — излучали слабое сияние. В нем влажно поблескивало широкое темное пятно, которое начиналось в каких-нибудь двух локтях и выглядело весьма подозрительно. Конан охотно миновал бы его, если бы видел другой путь.

Он перенес вес на правую ногу, медленно выпрямил ее в колене. Вот оно, пятно, только

руку протяни… Он так и сделал. С превеликой осторожностью коснулся блестящей поверхности пальцем. Не очень приятная на ощупь. Скользкая и холодная, как лягушачья кожа. Но и только.

Добравшись до середины пятна, Конан выяснил, что оно способно говорить.

— Я чувствую твой страх, — сказало пятно.

— А я — твой, — медленно ответил Конан.

— Странное ты создание, — рассудительно проговорила «лягушачья кожа». — Видишь западню и все равно лезешь в нее очертя голову.

Конан промолчал. Он лихорадочно соображал, как быть — спрыгнуть со скалы, рискуя переломать ноги, или упорно ползти вверх в ожидании неминуемой расправы? Знать бы, на что способна эта «лягушачья кожа»… Как назло, Пенат снова куда-то запропастился, а то можно было бы хоть спросить… Киммериец криво улыбнулся, вспомнив совет духа Подземелья рассчитывать только на себя.

— Что заставляет тебя так упорно идти вперед? — спросила «лягушачья кожа». — Любовь к золоту?

«Пожалуй, нет», — решил Конан. От золота он бы, конечно, не отказался, но платить за него жизнью? Это точно не для него.

— Тогда что? — допытывалось пятно, расценившее его молчание, как отрицательный ответ. — Мечтаешь получить ту женщину, Камаситу?

Конан пожал плечами.

— Не знаю даже… Просто хотел посмотреть.

— Просто хотел посмотреть, — передразнила «лягушачья кожа». — Точно дитя неразумное. На что ты надеешься? Что мой повелитель добровольно отдаст все богатства и согласится стать твоим рабом?

«Да, пожалуй, на это рассчитывать не стоит», — подумал Конан.

— А может быть, — вкрадчиво спросила «лягушачья кожа», — ты замыслил убить его?

— Ну что ты, — поспешил успокоить ее Конан, — мне это и в голову не приходило. Ведь ничего плохого он мне не сделал.

— Вот именно, — обвиняюще изрекло блестящее пятно. — Он не сделал тебе ничего плохого. А ты? Явился сюда непрошеным и обрек его на душевные муки. Знаешь, как он будет переживать, когда твоя смерть ляжет на его совесть? Думаешь, он легко переносит гибель незваных гостей?

— Зачем же такие страдания? — спросил Конан. — Отпусти меня, и я уйду восвояси.

— Ты слишком упрям, чтобы уйти восвояси, — сказала «лягушачья кожа». — Ты обманешь меня — попробуешь найти другую, безопасную дорогу. Я не вправе рисковать.

— Ты уже рискуешь, — произнес Конан. — Я силен и ловок. И могу тебя победить.

— Считай, что ты уже мертвец. — Но это почему-то прозвучало с запинкой.

«Пенат, — подумал Конан. — Запинка — это он. Ни на что большее его сил не хватило. Пенат сумел лишь намекнуть, что "лягушачья кожа" вовсе не уверена в победе. Значит, у меня все-таки есть шанс. Но если я ошибся, мне конец!»

Он двинулся вверх, и «лягушачья кожа» отреагировала мгновенно. Конан почувствовал, как все его тело облепила жесткая, непроницаемая для воздуха пленка — что-то вроде рыбьего пузыря, но в сотни раз прочнее. Сквозь нее он видел ореолы вокруг сталактитов. Киммериец почувствовал, что задыхается. Не только легкие — все до единой поры кожи остались без воздуха. Он попробовал было открыть рот, но губы даже не разомкнулись.

Просунул между ними язык — тот уперся в пленку.

И она затвердевала!

Сияние сталактитов приобрело рубиновый оттенок. С огромным трудом Конан наклонил голову и увидел свои руки — пленка на них окрашивалась в багровый цвет. «Она сохнет, — подумал он, — и превращается в коросту. В рубиновую скорлупу. Я — внутри драгоценного камня». Киммериец еще мог шевелить руками и ногами. Согнул кисть — рубиновая корка на запястье пошла складками. Но быстро твердела.

Вскоре внутри каменной оболочки перестанет биться человеческое сердце. И Конан навсегда останется в этой пещере — точно диковинный нарост на скале. Если только за ним не явится Темный Ольт и не перенесет в свой «тронный зал». Чтобы бережно положить на груду сокровищ. Или поставить в нишу, как статую, и любоваться им время от времени, хваля себя за хитрость и изобретательность.

Он умирал. В черепе полыхало пламя, легкие корчились в спазмах, конечности дергались внутри драгоценной скорлупы.

«Она… вот-вот… застынет… — складывались воедино кусочки мысли, — и тогда ее можно будет… расколоть».

Расколоть? Чем?

Он опустил правую руку к мечу…

Нет, ему лишь показалось, будто он сделал это: пальцы по-прежнему цепко держались за выступ скалы.

Скорлупа превращала кисть руки в расплывчатое красное пятно. Конан собрал остатки сил, пытаясь оторвать руку от скалы, но пятно оставалось на месте. Он вспомнил, что успел поднять левую руку, и испугался. Если поднять и правую, он обязательно сорвется. И упадет на камни…

Камни! Падение на камни с такой высоты способно расколоть скорлупу!

Еще не додумав до конца эту мысль, он уже силился разогнуть пальцы правой руки. Не тут-то было — рубин вцепился в скалу мертвой хваткой. Тогда киммериец подался грудью вперед, а затем рванулся назад всем телом. Затем еще раз… И полетел вниз.

Боли он не почувствовал.

* * *

— Мы победили! — воскликнул Пенат. На сей раз он явился в образе крота; забавно подергивая головой, зверек словно обнюхивал Конана.

— Видел бы ты, чего мне это стоило, — посетовал киммериец.

— Мне не нужны глаза, чтобы видеть. Ты цел и невредим, просто слегка ушибся.

— Ничего себе слегка!

Конан попробовал шевельнуться и обнаружил, что получается. Может, и впрямь обошлось? Он приподнялся, оперся на локти, согнул ноги в коленях, помотал головой. Бывают же чудеса! Как он и предполагал, осколки драгоценной скорлупы, едва не задушившей его, исчезли. Темный Ольт всегда умело заметал следы своих поражений.

— Ты сказал — победили? Ты имел в виду, Ольта теперь можно не бояться?

— Да, — возбужденно отозвался Пенат. — И в этом твоя заслуга. Каждая твоя удача отнимала у него силы. Золото, Конан! Золото — источник его могущества. Оно отдается

тому, кто сильнее любит. И вдобавок не жалует неудачников. Иди скорее, до сокровищницы уже рукой подать. Клянусь, там тебя ждет сюрприз.

Конан сказал, что ему до смерти надоели сюрпризы, но фраза канула в пустоту. Он сразу насторожился — внезапные исчезновения духа Подземелья всякий раз означали скорую встречу с неприятностями.

Но повторное восхождение на крутую скалу обошлось без приключений — там, где в прошлый раз его подстерегала «лягушачья кожа», сейчас был только шероховатый камень. Под самым потолком зала он перебрался в узкий лаз, напоминавший изнутри толстую кишку — вот только стенками той кишки были известковые натеки. Двигаться по этому лазу пришлось на четвереньках. Не оставив за спиной и дюжины локтей, он увидел перед собой сокровищницу Темного Ольта.

— Милофти пфофим, милофти пфофим, — радушно проговорил молодой человек в дорогой, но рваной и грязной белой одежде, царственно расположившийся на груде сокровищ. Словно спохватясь, юноша выковырнул из-за щеки увесистый кошачий глаз и положил рядом с собой на груду золота и драгоценных каменьев, на вершине которой так уютно восседал. — Так это ты — храбрец, который отправился спасать меня и преодолел все ловушки проклятого демона?

— Далион? — Конан не верил собственным глазам.

— А ты — Конан. Пенат все рассказал о тебе. — Заметив, что Конан оглядывается в поисках крота или какой-нибудь иной ипостаси духа Подземелья, Далион пояснил: — Здесь его не ищи. Моя любимая его на дух не переносит, прости за невольный каламбур. Он старается не появляться тут без особой надобности.

— Твоя любимая? — Конан ничего не понимал. — Камасита?

— Камасита? — недоуменно переспросил Далион. А затем всплеснул руками и расхохотался. — Та наивная большеглазая малютка! Нет, Конан, она — часть ненужного прошлого, а я теперь живу настоящим.

— Зато она тебя помнит, — хмуро сказал киммериец. — И ждет.

— Увы… — Далион вздохнул с притворной горечью. — У меня теперь другая жена, и сейчас — наша брачная ночь. — И он ласковым взглядом окинул сокровища.

— Так я что, помешал? — спросил Конан.

— Отчего же? — Далион рассмеялся. — Такая любовь еще слаще на глазах у завистников. — Он указал рукой влево. — Видишь? Он с ума сходит от ревности.

Конан повернул голову и увидел в сталагмитовой клетке Темного Ольта. Бородатый великан осунулся и вообще казался пришибленным. Однако ненавидяще скрежетал зубами и не сводил безумных глаз со своего везучего соперника. Отвечая ему полным злого торжества взглядом, Далион рассмеялся.

— Где же твое самодовольство, глупец? Почему я не слышу сальных шуточек? Помнится, ты вволю посмеялся над моей разлукой с Камаситой, пока мы с тобой не поменялись местами. — Далион перевел взгляд на киммерийца и назидательно произнес: — Золото, Конан, не жалует самонадеянных. Оно капризней любой женщины. Как только у него появляется выбор — жди сюрприза.

— Так значит, — догадался наконец Конан, — оно отвергло Темного Ольта? Предпочло тебя?

— Темного Ольта?! — Далион расхохотался. — Он был никем, пока не проник сюда. Ты только погляди на эту деревенскую рожу! Самый обыкновенный кладоискатель, вдобавок —

беглый раб. Он совершил роковую ошибку, не прикончив меня, когда я одолел все его глупые ловушки. Он посадил меня в клетку — чтобы всласть поиздеваться на досуге. Но золото предпочло ему более достойного — вельможу, человека воспитанного, умеющего обращаться с женщинами. И клянусь, оно сделало правильный выбор. Теперь Темным Ольтом буду я! И никто не посмеет сунуть нос в мое Подземелье!

Далион запустил пальцы в груду сокровищ, затем вскинул руки, и драгоценности со звоном посыпались обратно.

— Видишь это сверкающее великолепие, Конан? Теперь это все мое. Никому не отдам. Ты понимаешь намеки, киммериец?

— Понимаю, — хмуро ответил Конан. — Ты меня убьешь, если попробую взять хоть пылинку золота.

— Сокровища, Конан! Тебя убьют сокровища. Они дают мне силу — чтобы я, избранник, защищал их от любых посягательств. Так что будь благоразумен и уходи подобру-поздорову. Надо бы, конечно, тебя убить… просто на всякий случай. Чтобы другим неповадно было сюда спускаться. Но мне от тебя нужна услуга. — Он утопил руку в золоте, достал пергаментный свиток, тщательно отряхнул от сверкающих желтых пылинок и бросил к ногам Конана.

— Отдашь моему отцу. Точно такой же манускрипт почти уничтожил подстреленный нашими лесниками кладоискатель. А тут — весь текст. Уж не знаю, поддался бы я зову Пената, если бы прочитал до конца… Я знаю папашу — выслушав твой рассказ, старый прохвост обязательно захочет спуститься за своей долей. Передай на словах, пусть сначала прочтет свиток и как следует пораскинет мозгами. Ибо золото запросит за себя слишком высокую цену. Если вообще захочет торговаться. — Взгляд юноши затвердел, Далион стиснул в кулаках пригоршни самородков. — И вдобавок ему придется иметь дело со мной.

— Готов разделаться даже с родным отцом, — задумчиво проговорил Конан, подбирая манускрипт и пряча за пазухой. — Он тоже часть ненужного прошлого?

— Да. Ступай, Конан, и… Оглушительный треск не дал ему договорить.

Далион и Конан разом повернули головы к сталагмитовой клетке Темного Ольта. Известняковые колья, каждый толщиной в пядь, крошились под ударами кулаков и ног узника. С ревом бородатый исполин пробивал себе путь к свободе.

— А он не так уж и слаб, — спокойно заметил Конан.

— Это золото вернуло ему силу, — глухо произнес Далион. — А у меня отняло, я чувствую… Но не всю. Любимая предает меня! За что?!

Бородач вырвался на волю, с хохотом воздел руки — в них оказалась тяжелая блестящая секира. Застонав от отчаяния, Далион погрузил руку в золото и выдернул длинный меч. Соперники прыгнули навстречу друг другу, каждый взмахнул оружием, но Конан смотрел не на них, а на груду сокровищ, которая вздрагивала, будто ее душил беззвучный хохот.

Темный Ольт уверенно теснил Далиона, азартно крякая при каждом ударе. Юноша едва успевал парировать его выпады и уклоняться. С изумлением он посмотрел на кисть своей левой руки — отрубленная, она упала на каменный пол и обернулась друзой горного хрусталя; капли крови застывали на лету, превращались в зернышки альмандина. Ударом древка Темный Ольт швырнул Далиона на стену, ножищей прижал к темной скале руку с мечом, а лезвие приставил к горлу юноши.

Все это произошло в считанные мгновения, пока Конан выхватывал из ножен меч. С криком: «Стой!» — он бросился на выручку Далиону, но опоздал. С перерезанным горлом

юноша уже сползал по стене. Темный Ольт молниеносно развернулся и выставил секиру перед собой.

— Вот и конец мимолетного романа, — ухмыляясь, сообщил он Конану. — Моя любимая чуть ветрена, как и все красавицы. Она немного устала от мужа и захотела пофлиртовать. Но теперь все пойдет по-старому. А ты, незваный гость, умрешь. Нет причин отпускать тебя живым. Никакие услуги мне от тебя не нужны.

Он медленно занес секиру над головой.

Не дожидаясь удара, Конан бросился вперед и с разбегу двинул головой в живот. Темный Ольт громко охнул и не устоял на ногах; его затылок с треском ударился о стену рядом с пятном Далионовой крови. Однако секира осталась в руке, и он что было сил махнул ею, целя Конану в бок. Но тот уже отпрянул и подхватил с пола меч убитого.

Темный Ольт снова крякнул — на этот раз уже от боли: клинок застрял между ребрами гиганта; Конан уперся ногой ему в живот, но так и не сумел высвободить оружие. Тогда он крутанул над головой собственным мечом, и клок черной бороды, мгновенно вымокший в крови из рассеченного горла, полетел на пол, чтобы обернуться гагатовым ожерельем. Пятясь, Конан отступал от мертвецов, пока не споткнулся и не сел на груду сокровищ. Она вела себя совершенно как живая — пока он сражался, успела подползти ближе, и теперь от краев к верхушке по ней пробегали сверкающие волны, и эти волны тянули Конана наверх. Вскоре он обнаружил, что восседает на груде точь-в-точь, как это делали Темный Ольт и Далион.

Он зачерпнул пригоршню золота. Поднял над головой. Ласковая звонкая струйка потекла с ладони под рукав. Золото признавалось ему в любви.

Оно сделало свой выбор. Окончательно и бесповоротно. Даже погубило ради него, Конана, прежних возлюбленных.

«Но почему? — подумал он. — Разве я люблю его сильнее, чем остальные? — И тут же другая мысль пришла ему в голову; малоприятная: — Все это теперь мое… но только здесь. Теперь Темный Ольт — это я».

— Беги, Конан, — позвал из черного лаза в углу сокровищницы Пенат. — Беги, пока оно торжествует победу. Пока не завладело твоим рассудком.

Конан бросился к лазу, и за его спиной вздыбился желтый вулкан. Самородки и драгоценные камни со свистом рассекали воздух и впивались в стены и свод, высекая искры и кроша известняк; крупный изумруд едва не отсек киммерийцу ухо.

— Оно негодует, как любая отвергнутая женщина, — прошептал сквознячок в соседнем зале, когда Конан спустился по скале и присел на валун перевести дух. — Но ты можешь идти смело. Ловушек больше не будет.

Морщась, Конан прижимал ладонь к окровавленному уху.

— Одного не могу понять, — недоумевал он, — почему золото выбрало меня? Разве я люблю его сильнее, чем Далион или тот бородатый кабан?

— Может быть, в этом-то все и дело. — В голосе подземного ветерка Конану послышался печальный вздох. — Чем трудней достичь цели, тем она желанней. Неразделенная любовь заставляет терять голову.

На это Конану оставалось лишь хмыкнуть. А затем с кривой улыбкой сказать:

— Расскажи кому — не поверит.

* * *

— Не верю! — процедил сквозь зубы Найрам. — Где это видано, чтобы золото оживало и ластилось к мужикам, точно пьяная шадизарская шлюха? Не иначе ты, киммериец, в пещере треснулся о камень башкой, и у тебя воспалились мозги. Или напридумывал всяких глупостей, пока отсиживался где-нибудь невдалеке от выхода и жрал мои лепешки. А когда они кончились, решил вылезти и сказать, что у меня больше нет сына. Не верю!

Конан молча достал из-за пазухи и протянул ему свиток.

— Это тебе от Далиона.

Найрам неохотно протянул руку за пергаментом, а Конан посмотрел на Камаситу. Лицо юной вдовы было искажено ужасом и мукой, с длинных ресниц срывались крупные слезы.

— Не плачь, малютка, — грубовато попытался утешить ее киммериец. — Вряд ли он того стоил.

— Заткнись, браконьер! — рявкнул Найрам, зло глядя в развернутый пергамент. — Что здесь нацарапано? Закорючки какие-то дурацкие!

— Это карта. — Блафем ткнул в свиток мозолистым пальцем. — В точности как та, твоя. Только здесь еще и текст целиком.

— Сам вижу, что целиком, — проворчал Найрам и поглядел на Конана. — На что она мне?

— Далион сказал, чтобы ты прочел. Обязательно прочел, прежде чем в Подземелье соваться.

Найрам угрюмо сдвинул брови.

— С клочком того пергамента Пликферон три дня провозился… Что, опять прикажешь ждать? Да и не узнали мы ничего толком. Темный Ольт какой-то со слугами…

— Нет больше ни Темного Ольта, ни его слуг, — напомнил Конан.

— Ну да, ты же со всеми разобрался. Стало быть, золотишко скучает, ждет не дождется нового хозяина… — Найрам зыркнул на Блафема. — Пойдешь со мной?

Тот отрицательно качнул головой и произнес, обнимая за плечи рыдающую дочь:

— И тебе не советую. Надо дождаться, пока Пликферон расшифрует письмена.

Найрам презрительно скривил губы.

— Главное — карта. Дорога свободна, если верить этому. — Он указал на Конана подбородком. — Ну а коли встречу кого… — Он пожал плечами. — Двум смертям не бывать. Возьму на всякий случай пяток людей с оружием. — Он посмотрел на добрую дюжину слуг во главе со старшим псарем, обступивших Конана. — До моего возвращения держать его под замком и в колодках. И не перекармливать! Если выяснится, что он правду сказал, — отпущу. А коли соврал, быть ему на колу, клянусь милостью Митры.

— Если не возражаешь, — вежливо попросил Блафем, — я все-таки отдам пергамент Пликферону и погощу в твоей усадьбе, пока он его не переведет.

— Как пожелаешь, сват, — равнодушно отозвался Найрам; было видно, что мысли его уже под землей и ему не терпится спуститься за ними следом.

Конану быстро и умело связали руки, затем двое слуг на веревке повели его вниз по склону. Он яростно ругался — веревка была продета между ног, и всякий раз, когда шедший позади слуга отставал хоть на шаг, натягивалась и точно ножом резала в паху. А когда Конан пытался задержаться, чтобы хорошенько лягнуть хохочущего челядинца, второй, передний,

изо всех сил дергал за свой конец пут.

— Удачи тебе, Найрам, — хрипло сказал Бла-фем, когда несколько пар крепких рук спускали хозяина, точно куль с мукой, в Подземелье.

Найрам жестом приказал слугам замереть. Над поверхностью земли выступала только его голова. Она повернулась к Камасите. Старик долго рассматривал красавицу, а затем перевел взгляд на ее отца.

— Если Конан не солгал… Если выяснится, что мой сын погиб, я снова пришлю к тебе сватов, Блафем. И мы опять сумеем договориться.

Он исчез во мгле, а Блафем крепче прижал к себе дочь.

— Безумец, — прошептал он.

* * *

В кладовке со скрипом отворилась дверь. По деревянным ступенькам тяжело простучали каблуки. Человек опустился перед Конаном на корточки.

— Пришла моя очередь охранять тебя, — злорадно скалясь, произнес старший псарь. — До самого рассвета мы будем вместе. — Он негромко рассмеялся. — Узнаешь? — Он поднес к лицу Конана палку с ремнем.

Сопротивляться было невозможно. Конан мог только сыпать проклятьями, мотать головой и сжимать в кулаки торчащие из колодок кисти.

Старший псарь повесил палку Конану на шею. Заглянул, ухмыляясь, в глаза. Потом взялся за концы палки и стал поворачивать.

— Ты не посмеешь меня убить, — сказал киммериец. — Хозяина побоишься.

— Нам будет весело всю ночь, — пообещал старший псарь, — а на рассвете я сбегу отсюда. Ты был прав: Найрам — плохой хозяин, не ценит верной службы. Пусть лишний раз об этом подумает, глядя на твой труп.

Конан захрипел от боли. Потом притворился, будто потерял сознание, и попытался цапнуть мучителя зубами за большой палец. Но тот был начеку и отдернул руку.

— Взять! — сказал он, приблизив кулак к носу Конана. — Куси! Куси!

Затем толстяк с хохотом поднялся и отвел ногу, чтобы пнуть Конана в лицо. Тот зажмурился…

Раздался крепкий удар дерева о кость. Конан открыл глаза. Старший псарь без звука рухнул на присыпанный соломой пол. С поленом в руках над ним возвышался Блафем. Полено упало на челядинца, в руке старика появилась связка ключей. Щелкнули замки, свалились колодки.

— Я оглушил всех сторожей, — хмуро сообщил Блафем. — Можешь выбрать любого коня и запастись едой.

— Почему ты меня выручаешь? — поинтересовался Конан, вставая на ноги и припечатывая каблук к носу бесчувственного слуги.

— Дочь попросила, — буркнул старик. — Ведь ты честно пытался спасти ее мужа.

— Найраму это очень не понравится, — заметил Конан. — Стоит ли из-за какого-то бродяги наживать опасного врага?

— Кайрам останется в Подземелье, — сказал старик. — Навсегда.

— Ты прочитал манускрипт? — догадался Конан.

— Да, Пликферон его перевел. Пойдем, у нас мало времени. Скоро кто-нибудь из слуг очнется и поднимет крик.

* * *

— Что же все-таки там написано? — осведомился киммериец, когда усадьба Найрама скрылась в ночной тьме.

Блафем не ответил.

— Пенат — он и есть Темный Ольт? — снова спросил Конан.

Старик опять промолчал. Но его дочь ответила:

— Ты угадал.

— «Неразделенная любовь заставляет терять голову», — задумчиво произнес Конан. — Его слова… Да, он многое мне рассказал. Но и скрыл немало. А кое-что даже перевернул с ног на голову.

— Он обожает свое сокровище, а то платит ему равнодушием, — сказала Камасита. — Чтобы добиться взаимности, он завлекает в Подземелье жадных до золота людей. Каждый мимолетный роман — это подарок любимой. Темный Ольт сам приводит любовников, устраивая им по дороге всевозможные испытания, — чтобы сокровище могло по достоинству оценить их упорство, мужество и находчивость. И сам же ревнует к ним. Терпеливо ждет, пока они ей не наскучат, и тогда с радостью убивает, — опять же изощренно, чтобы угодить капризной возлюбленной. И при этом вожделеет ответного чувства…

— Интересно, почему он не убил тебя? — задался риторическим вопросом Блафем.

— Самому непонятно. — Конан напряг память. — Впрочем, он намекал… Я — недосягаемая цель для его сокровища. То есть моя любовь. А запретный плод всегда слаще. Наверное, он просто испугался, что золото будет любить меня до самой моей смерти. Слишком долгий срок — даже для Темного Ольта. Странно, мне всегда казалось, что я совсем неплохо отношусь к золотишку…

— Но не столь трепетно, как Найрам, — заключил старик. — Или Далион. Жалко, мальчик мне нравился. Я и не подозревал, что он так похож на отца.

— С возрастом это становилось бы все заметнее, — уверенно произнес Конан. — Считай, Камасита, что тебе очень повезло.

Девушка ответила сдавленным рыданием.

— Оставь ее, — буркнул Блафем. — И езжай своей дорогой.

Конан натянул поводья.

— Как скажешь. Прощай, Блафем, и да хранит тебя Митра. Спасибо тебе, Камасита. — Он повернулся в седле и посмотрел назад, на очерченную лунным и звездным сиянием вершину холма. — И тебе спасибо, Темный Ольт. За хороший урок. Жемчуг — болезнь раковин, но не бывает на свете жемчужниц, которые согласились бы излечиться.

Он помахал рукой спутникам и поворотил коня.

WWW.CIMMERIA.RU